

Э.А. ХАЙРЕДИНОВА

КОСТЮМ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БОСПОРА В VII-VIII вв. (по находкам из некрополя в Босфорском переулке)

Важной составляющей материальной культуры городского населения является одежда. Наряду с утилитарной функцией – защиты человека от нежелательного воздействия природной среды, одежда несет знаковую систему, позволяющую различать людей по полу и возрасту, по территориальной, этнической, религиозной или социальной принадлежности [Древняя, 1986, с. 4].

В письменных источниках отсутствуют сведения об одежде жителей ранне-средневекового Боспора; нет и изображений горожан этого времени. Поэтому все наши знания о костюме боспорцев основываются на археологических материалах, происходящих, в основном, из погребений, выявленных на склонах горы Митридат [Айбабин, 1999, с. 40, рис. 15, 4]. На северном склоне горы Митридат в старых семейных склепах вплоть до конца VII в. хоронили представителей знати. В начале VII в. на северном, восточном и южном склонах горы Митридат появился новый городской некрополь с грунтовыми и плитовыми могилами, впущенными в засыпь разрушенных жилых кварталов, часть из которых погибла в результате вторжения тюрков [Айбабин, 1999, с. 141]. Однако в опубликованных отчетах о раскопках этих некрополей отсутствуют планы многих погребальных сооружений, не выделены комплексы вещей, происходящих из отдельного захоронения, и нет рисунков многих найденных предметов. Зачастую присутствие вещей только обозначено («простая бронзовая пряжка», «стеклянные бусы» и т.д.) [Шкорпил, 1907, с. 6, 8, 40, 43, 46, 58; Шкорпил, 1909, с. 3,4,6,18,25; Шкорпил, 1910, с. 32-33; Блаватский, 1962, с. 7, 32-38, 49-51, 62, 65, 71, 73-74, рис. 1, 2,3,5,8,10,11; 45]. Некоторые комплексы VII в. или отдельные находки из некрополей на горе Митридат опубликованы в специальных работах А.К. Амброза, А.И. Айбабина и И.П. Засецкой, посвященных хронологии керченских древностей раннесредневекового времени [Амброз, 1992; Айбабин, 1990; Айбабин, 1999; Засецкая, 1998;]. Благодаря этим исследованиям мы имеем представление об отдельных функциональных предметах одежды и украшениях, однако говорить о реконструкции костюма в целом не представляется возможным.

В ходе раскопок 2007-2009 гг. на нижней террасе юго-восточного склона горы Митридат, в Босфорском переулке на территории, выделенной под строительство нового корпуса музея, экспедицией Крымского отделения Института

востоковедения НАН Украины под руководством А.И. Айбабина [Айбабин, Хайрединова, 2009, с. 15-16] исследован участок городского некрополя с 99-ю могилами VII-VIII вв. Большинство могил не было разграблено в древности и не было разрушено в результате поздней жизнедеятельности, поэтому удалось *in situ* зафиксировать не только погребальный обряд и конструкцию сооружения, но и расположение каждой вещи на костяке. Почти в половине погребений выявлены функциональные детали одежды, украшения и орудия труда. Полученный в ходе раскопок палеоантропологический материал полностью исследован [Радочин, 2012, с. 370-373]. Поэтому материалы из раскопок в Босфорском переулке стали ценным источником для изучения раннесредневекового костюма.

Умерших хоронили в прижизненной одежде, а не в специально сделанном для погребения одеянии. На металлических аксессуарах видны следы поношенности и ремонта. Так, на многих бронзовых пряжках типа «Сиракузы» поломанные литые язычки заменены кусками железной или бронзовой проволоки (рис. 1, А1,2). Однотипные происходящим из захоронений пряжки выявлены и на поселениях [Бейлин, Пономарев, 2012, с. 24, рис. 2, 1], что тоже свидетельствует об их использовании в повседневной жизни. Текстиль в погребениях сохранился только в виде фрагментов на окисленных металлических элементах одежды, находившихся с ним в соприкосновении. По этим остаткам восстановить фасон одежды и ее покрой невозможно. Костюм можно изучать только по металлическим деталям одежды и различным украшениям. По зафиксированному *in situ* их расположению на костяке можно судить о типе одежды. Для реконструкции костюма важно определить место украшений и способы их ношения. Необходимо учесть содержащиеся в сочинениях византийских авторов сведения об одежде современниц и обо всем, что связано с производством тканей, одежды, украшений и их торговлей, а также привлечь обширный иконографический материал, представленный на византийских фресках. В названных источниках отражены общие, характерные для многих народов тенденции в развитии одежды интересующего нас времени.

Мужской костюм. В некоторых мужских погребениях в области пояса и таза лежали две пряжки (рис. 1; 2). Одна пряжка предназначалась для поясного ремня, вторая – для ремня от штанов или для поясной сумочки. В качестве застежек для ремня, подпоясывавшего верхнюю одежду, использовали бронзовые цельнолитые пряжки типа «Сиракузы» (рис. 1, А1) или железные трапециевидные пряжки (рис. 2, 8; 3, 2). Пряжки типа «Сиракузы» бытовали в VII в., а железные трапециевидные – еще и в VIII в. Бронзовые пряжки выявлены в погребениях мужчин 35-40 лет, тогда как железные пряжки носили мужчины помоложе – 25-35 лет. Поясные ремни делали из куска кожи, ширина которого не превышала 2,5 см. Цельнолитые бронзовые пряжки крепили на ремне при помощи 2-3 пластинчатых петель, напаянных на обороте щитка. В петли вставляли бронзовый,

деревянный или железный стержень (рис. 1, В). У бесщитковых железных пряжек ремень крепился на тыльной стороне рамки.

К поясному ремню, справа подвешивали небольшую кожаную или тканую сумочку, заменявшую карман (в те времена карманы в одежде не делали) (рис. 2, II,III; 3, В). Ее застегивали небольшими железными пряжками с трапециевидной рамкой (рис. 2, II,III,2) или просто завязывали ремешками (рис. 3, В). Для застегивания сумочки использовали пряжки, аналогичные по форме поясным, но меньших размеров. Они предназначались для ремешков шириной 1,2 см. В поясных сумочках носили наборы для высекания огня, состоявшие из кресала и одного или нескольких кремней (рис. 2, 4; 3, 7-9), шило (рис. 2, 5; 3, 6), монеты (рис. 2, 17; 3, 3). В качестве кресала использовали небольшие железные пластины различных форм. Это могли быть обломки старых ножей или других орудий труда. В поясной сумке погребенного в могиле 63 также лежали бронзовые рыболовные крючки (рис. 2, 6) и подставка от ножки стеклянной рюмки (рис. 2, 3), а в могиле 71 – обломки бронзовых пластин и железных стержней (рис. 3, 4,5,10).

Особый интерес представляет происходящая из могилы 63 костяная пластина (рис. 2, 1). Аналогичные изделия найдены в Константинополе, в слоях с керамикой VI в. [Gill 1986, P. 253, Pl. 343/394], на памятниках византийских провинций VI – начала VII вв. в Подунавье [Uenze, 1992, S. 194-195, Taf. 12, 12-17; Кондић / Поповић, 1977, tabl. VI, 12; Milinković, 2002, S. 98, 120, Abb. 23, 2; 35, 4,5], а также в погребениях VII в. из Юго-Западного Крыма [Репников, 1906, с. 27, 73, рис. 65; Хайрединова, 2010, с. 162, 193-194, рис. 16, 7; 17, 1] и из Северо-Восточного Причерноморья [Археология, 2003, с. 245, табл. 78, 97].

Такие костяные предметы обычно рассматривают в качестве накладок на поясные сумочки [Uenze, 1992, S. 194-195, Abb. 16]. В предложенной З. Уенце реконструкции через отверстия на концах костяной накладки продевались ремешки, на которых сумка подвешивалась к поясу. Недавние крымские находки костяных накладок с зафиксированным *in situ* положением в погребениях позволяют высказать ряд новых наблюдений по поводу их использования и способа крепления. На склоне Эски-Кермена, в склепе 273, на костяке 4 накладка лежала на тазовых костях, рядом с ножом и кресалом с кремнями, в могиле 371 – около левой тазовой кости, вместе с шилом, кресалом с кремнем, железной пряжкой и ножом [Хайрединова, 2010, рис. 16, I], а в Керчи, в Босфорском переулке, в могиле 63 – под правой локтевой костью, вместе с бронзовыми рыболовными крючками, монетой, кресалом с кремнем, шилом, железной пряжкой и подставкой под ножку стеклянной рюмки (рис. 2, I,1-6). Все эти предметы помещались в кожаную или тканую сумочку, остатки которой фиксируются в виде темно-коричневого органического тлена. В одной из плитовых могил, раскопанной на северо-восточном склоне горы Митридат, В.Д. Блаватский отметил присутствие «на верхней части левого бедра остатки кожаного кошелька» [Блаватский, 1962, с. 33].

Обратим внимание на то, что в двух из описанных случаях среди содержимого сумочек, или рядом с ним, лежат дополнительные маленькие железные пряжки, предназначавшиеся для узких ремешков. В могиле 63 из Керчи такой пряжкой, скорее всего, застегивали сумку (рис. 2, II, III, 2). При этом костяная накладка, укрепленная в верхней части сумки, могла служить деталью застежки, удерживающей конец ремешка (рис. 2, II). Возможно и другое применение костяной пластины – в качестве поясной накладки (рис. 2, III), в петли которой продевались ремешки для подвешивания сумки. К поясу костяная накладка могла пришиваться тонкими ремешками. В погребении из могилы 371 со склона Эски-Кермена маленькой пряжкой застегивался ремешок, на котором нож подвешивали к поясу, что подтверждается расположением застежки около рукояти ножа [Хайрединова, 2010, рис. 16, I, 1, 4; 17, IIВ]. Длинный нож не помещался в поясную сумочку, его носили отдельно. При помощи костяной накладки застегивали сумочку. Костяные накладки, декорированные циркульным орнаментом, служили также и для украшения поясных сумок.

На обратной стороне накладки из Керчи прочерчена крестовидная фигура (рис. 2, 1). Возможно, таким образом утилитарной и декоративной детали сумки была придана еще и функция оберега. С VI в. в Византии и на сопредельных территориях распространился обычай украшать все предметы, роскошные, или повседневные, христианскими сюжетами и символами [Гийу, 2005, с. 361; Мусин, 2006, с. 181].

Помимо сумочки, боспорцы носили на поясе и другие предметы, необходимые в повседневной жизни. Прежде всего, это маленький острый нож, служивший для разрезания пищи. По существу, это был столовый прибор, единственный для той эпохи [Горбачева, 2000, с. 28]. Длина лезвия такого ножа – 8,0-9,0 см. Рукоять чаще всего делали из дерева – ее остатки зафиксированы на черенках многих ножей. Иногда деревянную рукоять закрепляли железной заклепкой или бронзовым гвоздиком с фигурной шляпкой, тем самым украшая ее. На лезвии многих ножей присутствуют остатки дерева или кожи от ножен. Возможно, деревянные ножны обтягивали кожей. Следы ножен, обтянутых тканью, отмечены в одной из могил на северо-восточном склоне горы Митридат [Блаватский, 1962, с. 7, 38]. В могиле 71 рядом с предметами, лежавшими в сумочки, зачищен каменный оселок с круглым отверстием в верхней части (рис. 3, 1). Наверняка оселок подвешивали на ремешке к поясу (рис. 3, В). В могиле 63 в области пояса слева найден бронзовый крючок (рис. 2, 9), который крепился к поясному ремню и предназначался для подвешивания каких-то предметов (рис. 2, III).

В двух мужских погребениях найдено по паре пряжек типа «Сиракузы» (рис. 1, А). На костях они лежали на расстоянии 0,1 м друг от друга, одна – на поясничных позвонках, вторая – на крестце. Скорее всего, одной из них застегивали поясной ремень, вторая же предназначалась для ремня на штанах. О том, как ремень фиксировался на штанах, можно судить по иконографическим

данным. На фресках гробницы IV в. из Силистры (Дуросторума) изображены слуги, подающие одежду своему господину (рис. 1, D) [Frova, 1943, fig. 9]. У одного из слуг через плечо перекинута господские штаны, и хорошо видно, что ремень на них продет через специально нашитые поверх штанов петли – шлевки (рис. 1, D1) и застегнут на пряжку (рис. 1, D2). Шлевки удерживали ремень в определенном положении.

Некоторые мужчины носили украшения: по одной серьге в левом ухе (могила 33), по одному бронзовому браслету на правой руке (могилы 13 и 20) (рис. 1, E5,6) или по одному железному перстню на правой руке (могилы 8а, 21, 32, 33) (рис. 1, E1-4). Браслеты из мужских погребений изготовлены из овального в сечении стержня с сомкнутыми гладкими концами. Все мужские перстни сделаны одинаково: с узкой пластинчатой шинкой и плоской овальной жуковиной. Одновременно и в Юго-Западном Крыму некоторые представители мужского населения использовали подобные украшения в своем костюме [Khairédinova, 2007, p. 15, 29, fig. 2, II]. Вообще, в эпоху средневековья мужчины многих народов Евразии носили браслеты и серьги [Амброз, 1994/1995, с. 43; Рабинович, 1986, с. 87]. На византийских мозаиках известны изображения святых с серьгой в мочке левого уха [The World, 2004, p. 452, fig. 455].

Женский костюм. Женщины подпоясывали верхнюю одежду узким ремнем с пряжкой – бронзовой цельнолитой типа «Сиракузы» (рис. 4, б) или железной с трапецевидной рамкой (рис. 4, 2,7-9). Отметим, что и мужчины, и женщины носили однотипные пряжки. Однако большинство железных пряжек из женских погребений меньше размерами, чем аналогичные поясные застегивки из мужских захоронений. Мужской ремень с железной пряжкой был шириной 2,2 см, тогда как женский редко превышал 1,75 см. Женский пояс застегивали справа налево, так же, как и мужские пояса (рис. 4, А,В). В некоторых женских погребениях пряжки отсутствуют (рис. 5, 38). Видимо, эти женщины носили платье не подпоясанным (рис. 5, 38), либо использовали тканые пояса, которые не застегивали пряжкой, а просто завязывали узлом. О присутствии пояса без пряжки свидетельствуют находки ножей – их подвешивали к поясу или заправляли за него. Нож из могилы 47 висел не на самом ремне, а на специальной петле, сделанной из бронзовой пластины (рис. 4, А,1). На его черенке сохранилась железная заклепка – гвоздик с небольшой полусферической шляпкой, при помощи которой части деревянной рукояти крепились к черенку (рис. 4, 4).

Верхней одеждой у жительниц Боспора было платье туникообразного покроя с перегибом по плечам. Для его пошива использовали ткацкий кусок ткани, согнутой пополам. В месте сгиба полотна прорезали горловину, которая, скорее всего, была глухой. Согласно данным иконографии и письменной традиции, именно такой фасон женской одежды был распространен повсеместно в эпоху раннего средневековья. На фресках христианских катакомб IV в. из Рима и гробницы из Силистры женщины изображены в далматике – разновидности

туники, широкой одежде с широкими рукавами. Длина далматики разная: на одних фигурах ее подол достигает пола [Беляев, 1926, с. 213-214, рис. 10; Ferrua, 1991, p. 120, fig. 108], на других – доходит до середины голени или до щиколотки [Dimitrov, 1962, p. 37-38, fig. 1; 3; 4; 7; Ferrua, 1991, p. 92-93, 110-111, 146, fig. 71; 92; 93; 140]. Далматика полностью скрывает нательную одежду – тунику. Лишь на некоторых женских фигурах в разрезе горловины далматики виден край белого ворота туники [Овчаров, Ваклинова, 1978, рис. 36, 37]. Для иллюстрации раннесредневекового одеяния также интересны изображения Святой Агнии на мраморном рельефе и на двух золотых стеклянных донышках из катакомб, носящих ее имя. На рельефе женская фигура одета в нижнюю тунику с длинными узкими рукавами и широкую верхнюю одежду до пят, с широкими рукавами и не подпоясанную. На стеклянном донышке на святой изображено, поверх длинной туники, короткое верхнее платье, подпоясанное под грудью [Кондаков, 1998, с. 86]. В одежде такого же покроя изображены простые женщины на фресках церкви Сант Аполлинаре Нуово из Равенны. Их верхнее, широкое платье подпоясано узким пояском. Из-под коротких и широких рукавов выступают узкие рукава нижней туники [Martinelli, 1969, p. 23, 24; fig. 2; 4-6].

И туника, и далматика сделаны по одному принципу – в виде сложенного пополам прямоугольного полотна ткани, вертикальные стороны которого сшиты. В этих боковых швах оставлены отверстия для рук или для рукавов, которые пришивались дополнительно. Форма прорезанной в месте сгиба полотна горловины могла быть различной [Kalamara, 1995, p. 38]. Тунику и далматику украшали различными полосами (клавами), каемками, круглыми сегментами [Беляев, 1926, с. 213; Кондаков, 1998, с. 64]. Шитая туника появилась на рубеже III-IV вв. и стала настоящей революцией в одежде [Кондаков, 1929, с. 226]. Считается, что туника восточного происхождения – ее древние образцы происходят из Ура и Персии [Kalamara, 1995, p. 38, 198, note 76, 669]. В III в. она еще расценивалась как нечто экстравагантное, но впоследствии получила широкое распространение – в Византии ее носили все независимо от пола, возраста и социального положения [Kalamara, 1995, p. 198, note 668]. Шитая туника имела неоспоримое преимущество над господствовавшей в античном мире драпированной одеждой: она облегалась тело и была более практична, ее изготовление требовало меньше ткани [Kalamara, 1995, p. 200].

Григорий Назианзин, живший в IV в., так описывает одежду своих современников: длинное, до самых щиколоток одеяние, подвязанное поясом, и накидка на голове [Kalamara, 1995, p. 33, note 64; Gregorius, t. 37, col. 1370]. Его современник, Иоанн Златоуст отмечает, что голова женщины должна быть покрыта постоянно, а не только во время молитвы [Kalamara, 1995, p. 27-28; Joannes Chrysostomus, t. 61, col. 217-218]. Легкая накидка из прозрачной ткани покрывает голову и спадает на плечи на изображениях женщин в позе Оранты с фресок из катакомб на Виа Латина [Ferrua, 1991, p. 120, 146, fig. 108; 140]. На дип-

тихе Стиликона из слоновой кости 395 г. на левое плечо Серены, племянницы императора Феодосия, наброшена длинная узкая накидка [Theune-Grosskopf, 1995, S. 191, Abb. 154-155; Kat.Nr. H8]. Замужние женщины носили покрывало – мафорий. Он окутывал весь верх фигуры, покрывая голову, грудь и руки [Кондаков, 1998, с. 86, 116]. Богоматерь Оранта на серебряной бляшке с креста Равеннского архиепископа Аньелла, умершего в 566 г., облачена в длинное подпоясанное платье и мафорий, покрывающий ее голову и плечи и застегнутый фибулой на груди [Кондаков, 1998, с. 96-97, рис. 74].

Женскую верхнюю одежду подвязывали поясом. Известно, что в Византии пояс в женской одежде имел большое значение. Иоанн Златоуст говорит о женской одежде, подвязанной под грудью так, что ткань образует много складок [Kalamara, 1995, p. 56-57]. Форма женского пояса различна. У одной из прислужниц на фреске из Силистры далматика подвязана под грудью широким простым поясом, который, вероятно, закреплялся или завязывался узлом на спине. У самаритянки с фресок церкви Сант Аполлинаре Нуово широкое верхнее платье охвачено узким пояском. Одежда знатных дам опоясана широким декорированным ремнем. На девушках из свиты дочери фараона из базилики Санта Мария Маджоре одет гладкий, узкий ремень с расположенной по центру большой круглой бляхой [Oakeshott, 1977, s. 73, ris. X]. На Богоматери из этой же базилики и Святых Мученицах из церкви Сант Аполлинаре Нуово изображены широкие ремни, богато украшенные, как и центральные круглые бляхи, камнями [Кондаков, 1998, с. 114-119, рис. 80; 84].

В качестве украшений в VII-VIII вв. боспорянки носили серьги, ожерелья, браслеты, кольца и перстни. Серьги в основном были проволочными (рис. 6). Наиболее часто встречаются серьги с проволочным кольцом и с припаянными в форме пирамидки тремя мелкими и одной крупной зернинками (рис. 5, 1; 6, 65). Этот тип серег появился в Византии в VI в. [Baldini-Lippolis, 1999, p. 88, kat. N1.b] и впоследствии широко распространился у многих народов на сопредельных империи территориях. В Крыму названные серьги вошли в моду во второй половине VI в. [Хайрединова, 2000, с. 98, 130, тип 3, рис. 16, 3,4; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 38, рис. 20, 8]. Их массовые находки связаны с комплексами VII-IX вв. [Веймарн, Айбабин, 1993, с. 183-184, вариант 6; Айбабин, 1993, с. 123, 371, рис. 6, 33; Борисова, 1959, с. 177, 183, табл. V,3; Веймарн, 1963, с. 46, 58, рис. 5,1; Лобода, Чореф, 1974, с. 101, рис. 1,6; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 35, 37, 40, 60, 64, рис. 18, 14; 19, 1,2; 21, 4; 29, 11; 31, 1]. На Северном Кавказе они известны в погребениях VII-VIII вв. [Дмитриев, 1982, с. 96, 100, 101, рис. 11, 24; 12, 4; Ковалевская, 1981, с. 179, рис. 62, 98]. В VIII - начале IX вв. этот тип украшения был в моде у авар [Garam, 1995, S. 280, Abb. 148, 19-21; 162].

Серьги носили по-разному: по одной в правом ухе (рис. 6, 50, 77), по одной в левом ухе (рис. 6, 98), по одной в каждом ухе (рис. 6, 65) или по две в каждом ухе (рис. 6, 28). Отметим, что, начиная со второй четверти VII в., жительницы

Юго-Западного Крыма тоже стали носить по две, а то и по три разных серьги в каждом ухе.

Шею женщины украшали ожерельем из небольших бусин, среди которых преобладают стеклянные полихромные (рис. 7). Иногда в состав ожерелья включали подвески из различных материалов (рис. 7, 9а). Длина низки с бусами невелика и, вероятно, свидетельствует о том, что ожерелья не охватывали всю шею, а служили украшением только спереди. Бусы и подвески нанизывали на толстую нить или тонкий кожаный ремешок, концы которых завязывали, либо закрепляли на небольшом проволочном колечке (рис. 7, 7а). Отметим, что и на фресках, и на мозаиках раннесредневекового времени шеи женщин украшены короткими ожерельями. Ожерелье в виде одной низки из нескольких крупных бусин плотно охватывает шею на портрете покойной из Виминация [Корац, 1991, р. 118, 120, fig. 12; 14]. Короткие ожерелья из мелких разноцветных бусин украшают шеи Святых мучениц и дам из свиты Феодоры на мозаиках из Равенны [Лазарев, 1986, рис. 57; 59].

В ожерельях первой половины VII в. присутствуют янтарные бусы (рис. 7, 4-6). Ожерелья более позднего времени полностью состоят из стеклянных бусин (рис. 7, 1-3, 8, 9). В могиле 73 в области шеи лежала пронизь из египетского фаянса бирюзового цвета в виде лягушки, сидящей на подставке овальной формы (рис. 7, 4). Ее носили на кожаном шнурке, один конец которого был привязан к колечку из железной проволоки (рис. 7, 7а). Пронизь, видимо, долго была в употреблении: она фрагментирована и сильно потерта. Отметим, что такие пронизи массово встречаются в Пантикапее, в комплексах I-II вв. [Алексеева 1975, с. 43, тип 57, табл. 11, 9-11]. По наблюдениям Е.М. Алексеевой, изделия из египетского фаянса были особенно популярны в Пантикапее в первые века нашей эры [Алексеева 1975, с. 29, табл. 1]. находка пронизи в погребении из Босфорского переулка показывает, что такие изделия продолжали носить и в эпоху раннего средневековья. Отметим, что и в Юго-Западном Крыму изделия из бирюзового египетского фаянса – шаровидные ребристые бусы – встречаются в погребениях конца VI – первой четверти VII вв. [Хайрединова, 2000, с. 124, рис. 10, 34; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 241, 309, табл. 107, 9; 175, 7].

В могилах 30 и 47 удалось зафиксировать *in situ* порядок бус, лежавших в области шеи. Ожерелье из могилы 47 состояло из чередующихся длинных цилиндрических бусин с фестонобразным орнаментом и бусин, образованных витком желтой или синей стеклянной нити (рис. 7, 2). Интересно, что такое же расположение бус в ожерельях отмечено в женских погребениях второй половины VII в. из Лучистого [Хайрединова, 2000, с. 123, рис. 9, 3]. Ожерелье из могилы 30 образовано чередующимися стеклянными шаровидными и 14-гранными бусинами. В центре располагалась бронзовая сферическая подвеска (рис. 7, 9). С точно такими же подвесками во второй половине VII в. делали серьги (рис. 10, 1) [Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 167, табл. 33, 1]. В.Д. Блаватский отметил

присутствие в одной из женских могил ожерелья из 20 стеклянных бусин и стеклянной подвески в виде амфориска [Блаватский, 1962, с. 34].

Руки женщины украшали браслетами, кольцами и перстнями. Преобладают браслеты из овального в сечении стержня с заходящими или сомкнутыми ровными концами (рис. 5, 5). В VIII в. появились пластинчатые браслеты с закрученными концами (рис. 5, 3,4). Браслеты носили парами, по одному на каждом запястье (рис. 8, 9). В некоторых погребениях найдено только по одному браслету на костях предплечья левой руки (рис. 5). На внутренней стороне многих браслетов зафиксированы отпечатки истлевшей ткани рукава. Возможно, длинный рукав платья собирали в складки у запястья и обхватывали браслетом.

Среди перстней преобладают железные с плоской овальной или круглой жуковиной. Особо отметим бронзовые литые перстни из могил 17 и 46, на овальной жуковине которых представлены христианские сюжеты (рис. 8, 1,4,5). На одном перстне выгравировано схематичное изображение ангела в рост с опущенными крыльями (рис. 8, 4). Аналогичные перстни, место находки которых неизвестно, хранятся в Эрмитаже. На одном из них над изображением ангела прочерчено имя – Михаил. По наблюдению В.Н. Залесской, такое изображение появляется на монетах при императоре Юстине I (518-527), когда Ника на реверсах солидов заменяется архангелом [Залесская, 2006, с. 84, кат.№№ 78,79].

На жуковине перстней из могил 17 и 46 также схематично выгравировано изображение святого всадника (вокруг его головы – нимб), держащего крест (рис. 8, 1,5). В Юго-Западном Крыму аналогичные перстни найдены в погребениях VII в. из могильников у с. Лучистое и на склоне плато Эски-Кермен [Репников, 1932, с. 173, рис. 40, 1]. Подобный перстень хранится в Эрмитаже. В.Н. Залесская предположила, что на нем изображен Христос из сцены «Второе пришествие» [Залесская, 2006, с. 86, кат.№90].

Как правило, женщины носили по одному кольцу или перстню на правой руке (могилы 18, 21, 23, 32, 33, 37, 38, 51, 54) (рис. 5, 37,40). В могиле 46 найдено три перстня – два на костях пальцев правой руки, один – на левой (рис. 8, 46), а в могиле 47 – два перстня на костях пальцев правой руки (рис. 4, 47). В могиле 17 похоронили женщину, руки которой были украшены пятью перстнями (рис. 8, 17).

Интересны свидетельства письменных источников об отношении женщин к украшениям в эпоху раннего средневековья. Куда бы ни шла женщина, даже в баню, она надевала на себя массу драгоценностей, хотя в банях их нередко воровали. Женщины настолько были привязаны к своим украшениям, что, по мнению Иоанна Златоуста, «любят их почти так же, как собственных детей» [Поляковская, Чекалова, 1986, с. 84; Joannes Chrysostomus, t. 48, col. 787-788]. Наиболее популярным украшением были серьги [Райс, 2003, с. 116]. Иоанн Златоуст говорит относительно женщин: «чего бы они только не сделали, чтобы заполучить красивые серьги» [Поляковская, Чекалова, 1986, с. 83; Joannes

Chrysostomus, t. 48, col. 787]. По данным иконографии, византийские женщины носили парные серьги, сделанные в виде небольшого кольца с подвесками различных форм. У одной из прислужниц на фресках гробницы из Силистры по два тонких, скорее всего, проволочных браслета на каждой руке [Dimitrov, 1962, p. 38, fig. 4]. Два массивных браслета, по одному на каждой руке молящейся женщины изображены на фресках катакомбы “Вигна Массима” [Беляев, 1926, с. 214, рис. 10].

Детский костюм. По антропологическим материалам не всегда удается установить пол погребенных детей. Происходящие из детских погребений наборы вещей можно условно разделить на «мужские» и «женские». Так, в могиле 23 одновременно рядом друг с другом были захоронены двое детей – 6 и 4-5 лет. На первом ребенке были выявлены украшения, характерные для женского костюма – четыре серьги, ожерелье, перстень (рис. 10, 5-10), на втором – только одна бронзовая пряжка типа «Сиракузы» (рис. 9, 1). Видимо, первое погребение принадлежало девочке, второе – мальчику. В детских погребениях с «женским» набором украшений пряжки отсутствовали. Видимо, девочки не носили поясной пряжки (рис. 10). Захоронение двухлетнего мальчика зачищено в могиле 51 (рис. 9). В его изголовье лежал наконечник копья (рис. 9, 6), в области пояса – большая железная пряжка с трапециевидной рамкой (рис. 9, 5), а вдоль левой локтевой кости железный нож, который, скорее всего, висел в ножнах на ремне (рис. 9, 7). Наряду с «мужскими» атрибутами (оружие, пояс с пряжкой), в погребении найдено и типично «женское» украшение – бусы (рис. 9, 3). По наблюдениям этнографов, минимальное различие полов характерно для детских традиционных костюмных комплексов [Кузнецов, 1995, с. 44].

В детском костюме присутствуют украшения. Девочки носили серьги – по одной (рис. 10, 82) или по две (рис. 10, 23) в каждом ухе. Все найденные серьги – не парные (рис. 10, 1,2,6-9). Ожерелья из детских погребений образованы, в основном, стеклянными бусинами (рис. 7, 3; 9, 3). Своим составом отличается ожерелье из могилы 23. В нем, наряду со стеклянными, было около двух десятков каменных бусин – из сердолика, халцедона и горного хрусталя (рис. 10, 23). В погребении бусы лежали в два ряда, что свидетельствует о наличии двух нитей.

В состав ожерелий из детских погребений входили колокольчики (могилы 23, 51) (рис. 9; 10). Колокольчики известны в детских могилах и на участках плитового некрополя, раскопанных В.Д. Блаватским [Блаватский, 1962, с. 32]. Колокольчики считаются одним из самых распространенных видов амулета-оберега в погребениях древних народов Северного Причерноморья и Кавказа. В древности колокольчики пришивали или подвешивали на цепочке к одежде. Считалось, что колокольный звон отгонял злых духов и тем самым отвращал несчастья от человека [Гущина, Засецкая, 1994, с. 22, 50, кат. 148, табл. 15, 148]. В детских погребениях (могилы 18 и 34) на восточном склоне горы Митридат среди бус были найдены и подвески из старых потертых монет с отверстием. По

наблюдениям В.Д. Блаватского, в отверстии одной из них сохранились остатки шнурка, ко второй монете было прикреплено «ушко с остатками нитки» [Блаватский, 1962, с. 33, 36].

Девочки носили парные бронзовые браслеты: с концами, расплюснутыми штампом с рельефным орнаментом в виде «елочки» (могила 54) (рис. 10, 12) или с закрученными концами (могила 82) (рис. 10, 3,4). Браслеты, подобные найденным в могиле 54, бытовали в Юго-Западном Крыму с конца VI в. и на протяжении всего VII в. [Хайрединова, 2000, с. 104, 133, рис. 19, 2]. В одном из детских погребений, исследованных В.Д. Блаватским, зачищено по три бронзовых браслета на каждой руке [Блаватский, 1962, с. 49].

Некоторые дети носили на правой руке железный перстень или кольцо (могилы 18, 23, 51, 54). Перстни и браслеты из детских погребений были небольших размеров, то есть специально сделанными для детей (рис. 9, 4; 10, 10,11). Для сравнения отметим, что детские украшения из Юго-Западного Крыма, в большинстве своем, переделаны из взрослых.

Покрой детской одежды, скорее всего, был таким же, как и у взрослых. По данным иконографии, детский костюм отличался от взрослого аксессуарами, но не фасоном. На фреске из погребальной ниши семьи Теотекния в катакомбе Святого Януария VI в. в Неаполе изображены рядом мать – Гилария и дочь – Ноноса, что дает возможность сравнить одежду замужней женщины и девочки-подростка [Theune-Grosskopf, 1995, S. 193, Abb. 155]. На Ноносе одето длинное, до пят платье – туника из красной ткани с узкими и длинными закрывающими запястья рукавами. Полукруглый ворот платья украшен круглыми камнями или бусинами, расположенными в три ряда. Высоко, под грудью платье подвязано поясом с бляхами. Мать одета в платье того же типа, что изображено на дочери. Но ее голова, плечи и руки окутаны темным покрывалом – мафорием, являющимся атрибутом замужества. Выглядывающие из-под мафория руки Геларии закрыты до самого запястья узкими рукавами темного платья.

Изготовление тканей и одежды. На некоторых металлических аксессуарах сохранились небольшие, прикипевшие к окислам, фрагменты полотняной ткани (рис. 5, 4). В одной из плитовых могил, исследованных В.Д. Блаватским на восточном склоне горы Митридат, зачищены «обрывки ткани красновато-коричневого цвета» [Блаватский, 1962, с. 35]. Остатки «холщевой» ткани или «полотняной материи» найдены на металлических вещах и в одновременных погребениях из Юго-Западного Крыма [Айбабин, Хайрединова, 2008, табл. 19, 8; 68, 6; 101, 13; Репников, 1906, с. 48; Репников, 1932, с. 164, 168]. Ткани, выполненные в этом переплетении, ткали из разных нитей: льна, шерсти, шелка и других [Иерусалимская, 2005, с. 34]. С эпохи античности в Северном Причерноморье отдавали предпочтение шерстяным тканям. Сырьё для их изготовления было достаточно, поскольку овец разводили повсеместно [Герцигер, 1973, с. 87]. В двух захоронениях первой половины V в. из керченского склепа 154 сохранились об-

рывки гофрированной ткани коричневого цвета из шерстяной материи сложного плетения в виде ромбов и фрагмент коричневой шерстяной материи простого полотняного плетения [Засецкая, 1993, с. 75, 78, кат. 226, 248]. Из шерстяной материи в позднееримское время шили одежду и жители окрестностей Херсонеса. Шерсть эта была низкого качества, что подтверждается и свидетельствами древних авторов об отсутствии тонкорунных овец в Понте [Крупа, 2000, с. 119]. В позднееримском могильнике Килен-Балка из округа Херсонеса зафиксированы остатки текстиля растительного происхождения, а также смешанные ткани из растительных и шерстяных волокон [Крупа, 2000, с. 115, 116, табл. 2]. На Боспоре в римское время также использовали льняные ткани [Герцигер, 1973, с. 87, 97, кат. 33]. Однако неизвестно, были ли они привозными или местными. О возделывании в древности в Крыму льна для тканей никаких письменных данных нет. Опираясь на сообщение Геродота о выращивании в Скифии конопли, некоторые исследователи предполагают, что в Северном Причерноморье производили конопляные ткани подобно тому, как это делали во Фракии [Гайдукевич, 1952, с. 396; Герцигер, 1973, с. 87]. Отметим, что в Византии, где в равной степени использовали шерстяные и льняные ткани, одежда из льна считалась более богатой и дорогой, чем шерстяная [Kalamara, 1995, p. 161, 163; Полякова, Чекалова, 1989, с. 146].

В Херсонесе и его округе в римское время носили одежду из привозных тканей: натурального шелка и шелковой парчи [171, с. 119]. В эпоху раннего средневековья шелковые ткани ввозили в Херсон из Византии, о чем свидетельствуют находки на городище печати VII в. коммерциария Исидора – чиновника, в ведении которого были торговые операции с шелком [Соколова, 1991, с. 202]. Однако приобретать дорогие шелковые ткани имели возможность лишь зажиточные жительницы города [Кадеев, 1996, с. 59]. В Византии из богато разукрашенных шелковых тканей шили одежду для знати. Стоимость шелка была неимоверно высокой, приравнивавшейся к золоту [Иерусалимская, 1992, с. 3].

Боспоряне, в основном, шили одежду из домотканой материи. Находки пряслиц – грузиков для веретен, свидетельствуют о производстве пряжи, а вместе с тем и о ткацком деле, для которого выделка пряжи была необходимой подготовительной стадией [Гайдукевич, 1952, с. 396]. Прядение было широко распространенной отраслью хозяйственной деятельности, им занимались почти в каждой семье. Обилие находок ткацких пирамидальных грузил позволило В.Ф. Гайдукевичу прийти к заключению о том, что ткачество на Боспоре было делом не только отдельных специальных мастерских, изготовлявших ткани на продажу, но и широко было распространено как составная часть домашнего хозяйства [Гайдукевич, 1952, с. 410]. Отметим, что на некрополе в Босфорском переулке в засыпи могилы 54 найдено керамическое ткацкое грузило.

В эпоху раннего средневековья использование домотканых тканей было распространено повсеместно. Например, в Византии во многих богатых городских

домах существовали собственные ткацкие мастерские, иногда довольно крупные [Курбатов, 1971, с. 86]. В Дигестах Юстиниана – своде гражданского права VI в., в разделе «О дарении между мужем и женой» – есть интересные свидетельства о домашнем производстве тканей и одежды: «...если муж подарил жене шерсть, и жена сделала себе из этой шерсти одежду...» [Дигесты, 1984, с. 389, D.24.I.29.§1]; «Но если муж сделал из принадлежащей ему шерсти одежду для жены ... жена в этом деле выступила в качестве как бы хозяйки ткачих»; «Если жена сделала женскую одежду для себя из принадлежащей ей шерсти, но использовала труд рабынь мужа, то одежда принадлежит жене...» [Дигесты, 1984, с. 390, D.24.I.31.§1]. По агнографическим источникам известно, что, например, в Египте бедные женщины добывали себе средства к жизни, занимаясь прядением льна на стороне [Рудаков, 1997, с. 149]. Несмотря на то, что служанки ткали в доме, одежду и ткани также приобретали на рынке у ремесленников [Курбатов, 1971, с. 49]. Либаний пишет об обилии мелких торговцев на площадях, толпах ткачей, предлагающих дешевые ткани, торговцев готовой одеждой [Курбатов, 1971, с. 97]. Синесий Киренский в письме к своему брату в Аполлонию сообщает: «Прибыл из Афин некий продавец башмаков, у которого ты в прошлом году купил башмаки. Теперь же, говорят, он привез больше товара, привез аттические одежды и подобающую тебе и мне летнюю верхнюю одежду. Поэтому прежде, чем он успеет все или лучшие вещи распродать, призови чужестранца и купи мне три или четыре костюма» [Курбатов, 1971, с. 52; Чекалова, 1984, с. 646; Synesii, t. 66, col.1380]. В Константинополе были магазины торговцев шелком и лавки привозных сирийских материй [Рудаков, 1997, с. 129]. Либаний сообщает, что в больших деревнях есть ремесленники, живущие за счет своего ремесла. Среди них – сапожники, ткачи и портные [Курбатов, 1971, с. 31]. Крестьяне, прибывшие в город Тримифунт (Кипр) поклониться мощам преподобного Спиридона, на местном рынке покупали себе одежду [Рудаков, 1997, с. 115]. Наверняка и боспорцы приобретали некоторые одежды на рынке у ремесленников.

В целом, характеризуя костюм городского населения Боспора в VII-VIII вв., отметим следующее. На исследованном участке некрополя хоронили не самых богатых, рядовых горожан. Их пряжки и украшения сделаны из дешевых материалов – из бронзы или железа. В одновременных погребениях из склепов боспорской знати на северном склоне горы Митридат присутствуют серебряные пряжки и фибулы, а также сделанные из серебра или золота детали поясных наборов [Айбабин, 1999, с. 141-142]. Детали поясного набора VII в. из низкопробного серебра выявлены в плитовой могиле 31/1952 на северо-восточном склоне горы Митридат [Блаватский, 1962, с. 33; Айбабин, 1990, рис. 48, 22; 50, 36].

Можно выделить несколько костюмных комплексов, характерных для разных половозрастных групп. Мужской костюм состоял, скорее всего, из штанов и рубахи, подпоясанной ремненным поясом с пряжкой. Мужчины 25-35 лет носили неширокий застегнутый железной пряжкой ремень, к которому привешивали нож

в ножнах и сумочку с необходимыми вещами (рис. 2; 3). Среди них, помимо обычных, необходимых в повседневном быту вещей (кресало с кремнем, шило), могут присутствовать и предметы, свидетельствующие о занятиях владельца (как, например, рыболовные крючки). Мужчины постарше – 35-40 лет – носили два одинаковых ремня с бронзовыми пряжками, один – поверх рубахи, второй – на штанах (рис. 1). Этот костюмный комплекс престижней и, вероятно, характерен для боспорцев побогаче. Из этнографических наблюдений известно, что костюмные комплексы имущих, как правило, включают больше компонентов одежды [Кузнецов, 1995, с. 45]. Отметим, что мужчины с двумя бронзовыми пряжками похоронены в плитовых могилах, тогда как носители поясов с железной пряжкой – в простых грунтовых могилах. Не исключено, что различия в двух костюмных комплексах связаны не только с имущественным, но и с общественным положением владельца.

Описанные комплексы мужского костюма характерны для гражданского населения. Единственное погребение воина, зачищенное на исследованном участке, принадлежало, скорее всего, не боспорцу. Оно выявлено в грунтовой могиле 13, с нехарактерной для городского некрополя ориентировкой. Инвентарь включал типичные для кочевнических погребений предметы: лук, колчан со стрелами, согнутый меч. Изучение костюма воина – кочевника не входит в задачи данной работы и требует специального отдельного исследования. Воинский костюм боспорцев известен по находкам из склепов и плитовой могилы на северном склоне горы Митридат [Айбабин, 1999, с. 141]. В VII в. основным его компонентом был наборной пояс, который обкладывали металлическими геральдическими бляшками и часто снабжали свисающими узкими короткими ремешками с металлическими наконечниками. Представители боспорской знати, служившие офицерами в византийской армии, носили привезенные из Византии серебряные литые или золотые штампованные из пластин и украшенные зернью детали поясных наборов [Амброз, 1992, с. 82-83; Айбабин, 1999, с. 141-142, табл. XXXI, 83,84; Andrási J., Aibabin, 2008, Pl. 47-49, cat.N90-92]. Воины рангом ниже использовали поясные наборы из низкопробного серебра [Блаватский, 1962, с. 33; Айбабин, 1990, рис. 48, 22; 50, 36].

В костюме рядовых боспорянок можно выделить два комплекса. Основным компонентом одного из них был пояс с пряжкой (рис. 4). В состав второго входили только украшения, поясная пряжка в нем отсутствует (рис. 5, 38). В отличие от мужских, выявленные на основании полученного материала женские костюмные комплексы невозможно четко дифференцировать по возрасту и социальному положению их владелиц. Оба костюмных комплекса встречаются в разных возрастных группах и во всех типах погребальных сооружений. Отсутствие или наличие поясной пряжки не указывает и на имущественное положение. Так, например, у погребенной в могиле 17 женщины отсутствие поясной пряжки компенсировалось сравнительно богатым набором украшений,

включавшим ожерелье, пару бронзовых браслетов и пять перстней – четыре бронзовых и один железный (рис. 8, 17).

Из этнографических наблюдений известно, что женский костюм более подчинен этническим различиям [Кузнецов, 1995, с. 44]. Обычно именно женщины носят традиционные украшения и элементы одежды, указывающие на их этническую принадлежность. Известно, что на Боспоре со второй четверти VI и до конца VII вв. в моде был женский восточногерманский костюм с большой пряжкой, предназначенной для широкого пояса, и парой фибул, которыми застегивали накидку на плечах. Он появился после 528 г., когда прибывшие для подавления восстания гуннов с византийскими полками из Подунавья готы поселились на Боспоре с семьями. Они привезли с собой характерные для остготов Италии большие пряжки с прямоугольным щитком различных типов и пальчатые фибулы типа Удине-Планис, а также гепидские орлиноголовые застёжки [Айбабин, 1999, с. 100-101, рис. 36]. Пряжки с прямоугольным щитком не получили широкого распространения на Боспоре, зато орлиноголовые застёжки стали популярными: со второй половины VI в. городские мастера начали серийно изготавливать их местные варианты. Боспорский костюм с орлиноголовой пряжкой оставался неизменным на протяжении всего времени бытования – со второй половины VI в. и до конца VII в. Жительницы Боспора в наборе с орлиноголовой пряжкой использовали пару фибул типа Удина-Планис. Зачастую носили и одну пряжку, без наплечных застёжек [Амброз, 1992, с. 81-82; Айбабин, 1999, с. 100, 142]. Костюм дополняли украшения: серьги с литым или ажурным многогранником, низка бус из стекла, янтаря и сердолика, пара браслетов с утолщенными гладкими или декорированными концами. Местный колорит костюму придавали золотые нашивные бляшки – «городки», украшавшие горловину платья. Этот костюмный комплекс с большой пряжкой и парой пальчатых фибул зафиксирован как в склепах на северном склоне горы Митридат, так и в плитовом могильнике [Айбабин, 1999, с. 100-104, 142, рис. 37; 38]. Отдельные его детали – пряжки и, особенно, пальчатые фибулы в VII в. массово импортировали в Юго-Западный Крым [Айбабин, 1990, рис. 35, 1,2; Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 22, 25, 28, 40, рис. 12, 38,39; 15, 22; 21, 15]. Выявленные на исследованном участке плитового могильника в Босфорском переулке женские костюмные комплексы совершенно лишены характерных этнических особенностей. Видимо, в VII в. на Боспоре традиционный женский костюм могли носить только представительницы имущих слоев населения, рядовые же горожанки перешли на урбанизированную одежду, включавшую платье, подпоясанное узким ремешком с небольшой бронзовой пряжкой, или без нее, и минимум украшений: небольшую низку стеклянных бусин, серьги и изредка – браслеты. Так в то время одевались жительницы многих городов Византийской империи.

Процесс постепенной замены женской традиционной одежды на византийскую можно проследить и в других регионах распространения восточногерманского ко-

стюма. Так, у визиготов Испании костюм с большой пряжкой и парой фибул вышел из моды в конце VI в. [Dohijo, 2007, p. 148, fig. 5, 188] и, уже начиная с VII в., визиготские женщины отдают предпочтение византийской одежде [Ripoll López, 1991, Tab. 1, IV, V; Ripoll López, p. 60]. У жительниц поселений и крепостей Юго-Западного Крыма процесс «византинизации» женского костюма и утраты им этнического своеобразия завершился только к концу VII в. [Хайрединоva, 2008, с. 172-173].

Детей боспоряне одевали так же, как и взрослых. Одежда мальчиков походила на мужскую, гражданскую (рис. 9). Девочки носили одежду, подобную женской, только без поясной пряжки (рис. 10). Однако только в детском костюме присутствуют обереги – колокольчики (рис. 9, 2; 10, 5).

У костюмов всех половозрастных групп есть общие элементы. Прежде всего, это пояс с пряжкой. Ширина его незначительно варьировалась в зависимости от пола и возраста носящего. Обратим внимание на популярность у жителей Боспора в VII в. византийских поясных бронзовых цельнолитых застёжек, среди которых преобладали пряжки типа «Сиракузы» со стилизованным изображением листьев аканфа на щитке (рис. 1, А, 1, 2; 4, 6; 9, 1). Это один из самых распространенных видов византийских застёжек, бытовавших на широком пространстве от Пиренейского полуострова до Северо-Восточного Причерноморья [Чаллань, 1954, с. 329; Айбабин, 1990, с. 43, рис. 2, 122; 42, 6, 7; Schulze-Dörrlamm, 2002, S. 176, Abb. 62; Хайрединоva, 2008, с. 165-167]. Пряжка типа «Сиракузы» была универсальной застёжкой – ее носили и мужчины, и женщины, и дети. Бронзовые цельнолитые пряжки представлены распространенными стандартными типами, производившимися в литейных мастерских по всему византийскому миру. Пряжки были предметом массового производства, рассчитанным на торговлю. По мнению И. Вернера, однообразие типов византийских пряжек и отсутствие индивидуальных черт работы свидетельствуют о том, что их производили ремесленники [Werner, 1955, S. 38]. Популярность византийских пряжек у боспорян – яркий показатель влияния византийской моды на городской костюм. Можно говорить о том, что в VII-VIII вв. городское население Боспора одевалось так же, как и жители Византийской империи.

Среди украшений отметим железные перстни с овальной или круглой жужковинной, которые носили все рядовые горожане независимо от возраста (рис. 1, Е, 1-4; 4, 3; 5, 2; 8, 3, 0; 9, 4). Различались перстни только размерами, что свидетельствует об их изначальном изготовлении в расчете на разных заказчиков.

На исследованном участке городского некрополя хоронили, в основном, христиан, что ярко выражено в погребальном обряде (плитовые могилы, ориентация могилы по оси запад – восток, с сезонными отклонениями). На плитах, закладных, или выложенных вдоль бортов могилы, часто встречаются прочерченные либо высеченные кресты разных форм. При этом влияние христианства на костюм не прослеживается. Только в двух женских могилах найдены перстни

с христианской символикой (рис. 8, 1,4,5). Предметы личного благочестия – кресты – тельники или медальоны отсутствуют. Хотя сами индивидуальные предметы культа этого времени известны по хранящимся в коллекциях Эрмитажа керченским находкам [Залесская, 2006, с. 102-1-3, кат.№143; Andrási, Aibabin, 2008, p. 62, katN86]. Видимо, на Боспоре, как и в Юго-Западном Крыму в эпоху раннего средневековья нательный крест не был обязательным атрибутом христианина; в повседневном костюме его носили не все и не всегда клали в погребения [Хайрединова, 2007, с. 176-178].

Высказанные нами наблюдения базируются на материалах, происходящих со сравнительного небольшого участка некрополя, и, безусловно, не могут полностью характеризовать костюм боспорцев. Дальнейшие исследования некрополей Боспора помогут расширить наши представления о раннесредневековом костюме городских жителей.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – Вып. I. – Симферополь, 1990.
- Айбабин А.И.* Могильники VIII - начала X в. // МАИЭТ. – Вып. III. – Симферополь, 1993.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Могильник у села Лучистое. Т. 1 (Раскопки 1977, 1982-1984 гг.). – Симферополь, Керчь, 2008.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Раскопки некрополя раннесредневекового Боспора в 2007-2008 г. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. X Боспорские чтения: Материалы междунар. научной конф. – Керчь, 2009.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. – Вып. Г1-12. – М.: Наука, 1975.
- Амброз А.К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. – Вып. 1. – М., 1992.
- Амброз А.К.* Юго-западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. – Вып. IV. – Симферополь, 1994/1995.
- Археология.* Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII вв. / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М., 2003.
- Бейлин Д.И., Пономарев Л.Ю.* К изучению раннесредневековых памятников Северо-Восточной оконечности Керченского полуострова (поселение Завал – Восточное) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Материалы междунар. научной конф. – Керчь, 2012.
- Беляев Н.М.* Украшения позднеантичной и ранневизантийской одежды // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. – Prague, 1926.
- Блататский И.Д.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1945-1949, 1952 и 1953 гг. // Пантикапей. – МИА. – №103. – М., 1962.
- Борисова В.В.* Могильник у высоты “Сахарная головка” // Херсонесский сборник. – Вып. V. – 1959.
- Веймарн Э.В.* Археологічні роботи в районі Інкермана // АП. – 1963. – Т. XIII.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И.* Скалистинский могильник. – Киев, 1993.

- Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // Боспорские города. – МИА. – №25. – М.-Л., 1952.
- Герцигер Д.С. Античные ткани в собрании Эрмитажа // Памятники античного прикладного искусства. – Л., 1973.
- Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.
- Горбачева Л.М. Костюм средневекового Запада: от нательной рубахи до королевской мантии. – М., 2000.
- Гуцица И.И., Засецкая И.П. “Золотое кладбище” римской эпохи в Прикубанье. – СПб., 1994.
- Дигесты Юстиниана / Избранные фрагменты в переводе с примечаниями И.С. Перетерского. – М., 1984.
- Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII веков. – М., 1982.
- Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к историко-этнографическому атласу. – М., 1986.
- Залеская В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV-VII вв.: каталог коллекции. – СПб., 2006.
- Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. – Вып. III. – Симферополь, 1993.
- Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. – Вып. VI. – Симферополь, 1998.
- Иерусалимская А.А. Кавказ на Шелковом пути. – СПб., 1992.
- Иерусалимская А.А. Словарь текстильных терминов. – СПб., 2005.
- Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура. – Харьков, 1996.
- Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР в 20-и томах. – М., 1981.
- Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. – Прага, 1929.
- Кондаков Н.П. Иконография Богоматери: в 2-х т. – Т. 1. – М., 1998.
- Кондић В., Поповић В. Царичн Град. – Београд, 1977.
- Korać M. Late Roman Tomb with Frescoes from Viminacium // Старинар. – Т.XLII. – 1991.
- Крупа Т.М. Застосування методів природничих наук при дослідженні текстилю IV ст. до н.е. – IV ст. н.е. (за матеріалами Криму) // Археологія. – №3. – 2000.
- Кузнецов И.В. Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. – М., 1995.
- Курбатов Г.А. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV-VII вв. – Л., 1971.
- Лазарев В.Н. История византийской живописи. – М., 1986.
- Лобода И.И., Чорев М.Я. Вновь открытый в Бельбекской долине раннесредневековый могильник // КСИА. – Вып. 140. – М., 1974.
- Мусин А.Е. Археология «личного благочестия» в христианской традиции Востока и Запада // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб. 2006.
- Овчаров Д., Ваклинова М. Ранновизантийски паметници от България IV-VII век. – София, 1978.
- Поляковская М.А., Чекалова. А.А. Византия: быт и нравы. – Свердловск, 1989.
- Рабинович М.Г. Одежда русских XIII-XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к историко-этнографическому атласу. – М., 1986.
- Радочин В.Ю. К вопросу о населении раннесредневекового Боспора (по результатам раскопок в Босфорском переулке в 2007-2009 гг.) // XIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Материалы междунар. научной конф. – Керчь, 2012.
- Райс Д.Т. Византийцы. Наследники Рима. – М., 2003.
- Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. – 1906. – Вып. 19.

- Ретиков Н.И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928 и 1929 гг. // ИГАИМК. – Т. XII, 1-8. – 1932.
- Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. – СПб., 1997.
- Соколова И.В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. – Т. 52. – 1991.
- Хайрединова Э.А. Женский костюм с южнокрымскими орлиноголовыми пряжками // МАИЭТ. – Вып. VII. – Симферополь, 2000.
- Хайрединова Э.А. Раннесредневековые кресты из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. – Вып. XIII. – Симферополь, 2007.
- Хайрединова Э.А. Византийские пряжки VII в. в женском костюме крымских готов // МАИЭТ. – Вып. XIV. – Симферополь, 2008.
- Хайрединова Э.А. Раскопки некрополя на склоне плато Эски-Кермен в 2006-2008 гг. // МАИЭТ. – Вып. XVI. – Симферополь, 2010.
- Чаллань Д. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства, ч. I // Acta Antiqua Hungarica. – II, 3-4. – 1954.
- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. – Вып. 25. – 1907.
- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // ИАК. – Вып. 30. – 1909.
- Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. – Вып. 35. – 1910.
- Чекалова А.А. Быт и нравы византийского общества // Культура Византии. IV – первая половина VI вв. – М., 1984.
- Andrási J., Aibabin A. The Bertier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and related Material. – London, 2008.
- Baldini-Lippolis I. L'oreficeria nell' Imperio di Constantinopoli tra IV e VII secolo. – Bari, 1999.
- Dimitrov D.P. Le système décoratif et la date des peintures murales du tombeau antique de Silistra // Cahiers archéologiques. – Т. XII. – 1962.
- Dohijo E. La necropolis hispanovisigoda del area foral de Termes // Pyrenae. – 38/1. – 2007.
- Ferrua A. The Unknown Catacomb. – Florence, 1991.
- Frova A. Pittura Romana in Bulgaria. Roma, 1943.
- Garam E. Das awarenzeitliche Graberfeld von Tiszafured. Cemeteries of the Avar Period (567-829) in Hungary. – Vol. 3. – Budapest, 1995.
- Gill M.V. The small Finds // Excavations at Saraçhane in Istanbul. – V.1. – Princepton, 1986.
- Gregorius Theologus vulgo Nazianzenus // J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. – Т. 35-38. – Paris, 1863.
- Joannes Chrysostomus. Opera omnia // J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. – Т. 47-64. – Paris, 1863.
- Kalamara P. Le système vestimentaire à Byzance du IVe jusqu'à la fin du XIe siècle. Thèse du Nouveau Doctorat. – Т. I. – Paris, 1995.
- Khairédinova E. Le costume des barbares aux cinfins septentrionaux de Byzance (VI-VII siècles) // Kiev – Cherson – Constantinople. – Kiev, Simferopol, Paris, 2007.
- Martinelli P.A. Il costume femminile nei mosaici Ravennati // Corsi di cultura sull'arte Ravennate e Bizantina. – N16-29, Marzo. – Ravenna, 1969.
- Milinković M. Die Byzantinische Höhenanlage auf der Jelica in Serbien – ein Beispiel aus dem Nördlichen Illyricum // Старинар - LI/2001 – 2002.
- Oakeshott W. Mozaici Rima. – Beograd, 1977.
- Ripoll López G. Materiales funerarios de la Hispania visigoda: problemas de cronología y tipología // Gallo-Romains, Wisigoths et Francs en Aquitaine, Septimanie et Espagne. – Rouen, 1991.
- Ripoll López G. Toréutica de la Bética (Siglos VI y VII d.c.). – Barcelona, 1998.
- Schulze-Dörrlamn M. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. – Mainz, 2002.

- Synesii Opera* // J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca. – Paris, 1863.
- Theune-Grosskopf B.* Auswahl antiker Darstellungen von Trägern der Zwiebelknopfbeln // Die Schraube zwischen macht und Pracht. Das gewinde in der Antike. – Stuttgart, 1995.
- Uense S.* Die spätantiken Befestigungen von Sadovec (Bulgarien) // Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. – Bd. 43. – München, 1992.
- Werner J.* Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergard // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. – 1. – 1955.
- The World of the Byzantine museum.* Athens, 2004.

Е.А. Хайредінова

КОСТЮМ МІСЬКОГО НАСЕЛЕННЯ БОСПОРУ У VII-VIII ст.
(ПО ЗНАХІДКАХ З НЕКРОПОЛЯ У БОСФОРСЬКОМУ ПРОВУЛКУ)

Резюме

Джерелом для вивчення ранньосередньовічного костюму боспорян були матеріали, отримані у ході розкопів 2007-2009 рр. ділянки міського некрополя з 99-ома могилами VII-VIII ст. на нижній терасі південно-східного схилу гори Мітрідат у Босфорському провулку на території, виділеної для будівництва нового корпусу музею, експедицією Кримського відділення Інституту сходознавства НАН України під керівництвом О.І. Айбабіна.

На дослідженій ділянці некрополя ховали не самих багатих, рядових городян. Чоловічий костюм складався з штанів та сорочки, підперезаній ремінним поясом з пряжкою. Чоловіки 25-35 років носили неширокий, застебнутий залізною пряжкою ремінь, до якого привішували ніж у піхвах тасумочку з необхідними речами (мал. 2,3). Чоловіки постарше – 35-40 років – носили два однакових ремені з бронзовими пряжками, один поверх сорочки, другий – на штанях (мал. 1). Цей костюмний комплекс більш престижний та, ймовірно, характерний для боспорців побагатше.

У жіночому костюмі виділено два комплексу: з пряжкою (мал. 4) та без неї (мал. 5, 38). На основі отриманого матеріалу жіночі костюмні комплекси не можливо чітко диференціювати за віком та соціальним положенням їх власниць. Обидва костюмних комплекси зустрічаються у різних вікових групах і у всіх типах похоронних споруд. Жіночі костюмні комплекси абсолютно позбавлені характерних етнічних особливостей. У VII ст. на Боспорі традиційний жіночий костюм могли носити тільки представниці заможних верств населення, рядові же городянки перейшли на урбанізований одяг, який включав сукню, підперезану вузьким ремінцем з невеликою бронзовою пряжкою, або без неї, та мінімум прикрас: невелику низку скляного намиста, сережки та зрідка - браслети. Так в той час одягались жителями багатьох міст Візантійської імперії.

Дітей боспоряни вдягали так, як і дорослих. Одежа хлопчиків походила на чоловічу, громадську (мал. 9). Дівчатка носили одяг, подібну жіночий, тільки без поясної пряжки (мал. 10). Тільки у дитячому костюмі присутні обереги – дзвіночки.

Э.А. Хайрединова

КОСТЮМ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БОСПОРА В VII-VIII вв.
(ПО НАХОДКАМ ИЗ НЕКРОПОЛЯ В БОСФОРСКОМ ПЕРЕУЛКЕ)

Резюме

Источником для изучения раннесредневекового костюма боспорян стали материалы, полученные в ходе раскопок 2007-2009 гг. участка городского некрополя с 99-ю могилами VII-VIII вв. на нижней террасе юго-восточного склона горы Митридат, в Босфорском переулке на территории, выделенной под строительство нового корпуса музея, экспедицией Крымского отделения Института востоковедения НАН Украины под руководством А.И. Айбабина.

На исследованном участке некрополя хоронили не самых богатых, рядовых горожан. Мужской костюм состоял из штанов и рубахи, подпоясанной ремненным поясом с пряжкой. Мужчины 25-35 лет носили неширокий, застегнутый железной пряжкой ремень, к которому привешивали нож в ножнах и сумочку с необходимыми вещами (рис. 2; 3). Мужчины постарше – 35-40 лет – носили два одинаковых ремня с бронзовыми пряжками, один – поверх рубахи, второй – на штанах (рис. 1). Этот костюмный комплекс престижной и, вероятно, характерен для боспорцев побогаче.

В женском костюме выделено два комплекса: с пряжкой (рис. 4) и без нее (рис. 5, 38). На основании полученного материала женские костюмные комплексы не возможно четко дифференцировать по возрасту и социальному положению их владелиц. Оба костюмных комплекса встречаются в разных возрастных группах и во всех типах погребальных сооружений. Женские костюмные комплексы совершенно лишены характерных этнических особенностей. В VII в. на Боспоре традиционный женский костюм могли носить только представительницы имущих слоев населения, рядовые же горожанки перешли на урбанизированную одежду, включавшую платье, подпоясанное узким ремешком с небольшой бронзовой пряжкой, или без нее, и минимум украшений: небольшую низку стеклянных бусин, серьги и изредка – браслеты. Так в то время одевались жительницы многих городов Византийской империи.

Детей боспоряне одевали так же, как и взрослых. Одежда мальчиков походила на мужскую, гражданскую (рис. 9). Девочки носили одежду, подобную женской, только без поясной пряжки (рис. 10). Только в детском костюме присутствуют обереги – колокольчики.

E.A. Khairedinova

CLOTHES OF THE URBAN POPULATION OF THE BOSPORUS IN THE 7th – 8th centuries
(BY THE FINDS FROM THE NECROPOLIS AT THE BOSPHORSKY LANE)

Summary

Materials obtained in the course of excavation 2007-2009 of the section of an urban necropolis with ninety-nine tombs of the 7th – 8th cc. on the lower terrace of the southeastern slope of Mount Mithridates, in the Bosphorsky Lane, allocated for a new building of the museum, by the expedition of the Crimean Branch of the Institute of Oriental Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine under the leadership of Aibabin A.I., have become a source for the study of early medieval clothes of the Bosphorus citizens.

Not rich, ordinary citizens were buried at the explored site of the necropolis. Male outfit consisted of pants and a shirt, belted with a leather belt with a buckle. Men aged 25-35 wore not wide belts fastened with iron buckles. A knife in a sheath and a small bag with necessary things was hung to the belt (fig.2;3). Older men of 35-40 years wore two similar belts with bronze buckles: one belt – over the shirt, the second one – on the pants (fig.1). This prestigious outfit complex is probably typical for richer Bosphorus citizens.

Two complexes are identified in the outfit of women: with a buckle (fig.4) and without it (fig. 5, 38). Based on materials obtained, female outfit complexes cannot be clearly differentiated by age and social status of their owners. Both costume complexes are found in different age categories and in all types of burial structures. They do not have any specific ethnic features. In the 7th century in the Bosphorus only representatives of propertied class could wear the traditional woman's costume. Ordinary urban women wore urbanized clothes, which included a dress, belted with a narrow strap with a small bronze buckle or without it, and a minimum of jewelry: a small string of glass beads, earrings, and occasionally – bracelets. Women of many cities of the Byzantine Empire were dressed this way.

Bosphorus citizens dressed children like adults. Boy's clothes looked like civil clothes of men (fig. 9). Girls wore clothes similar to clothes of women, but without belt buckles (fig 10). There were amulets – bells in children's clothes only.

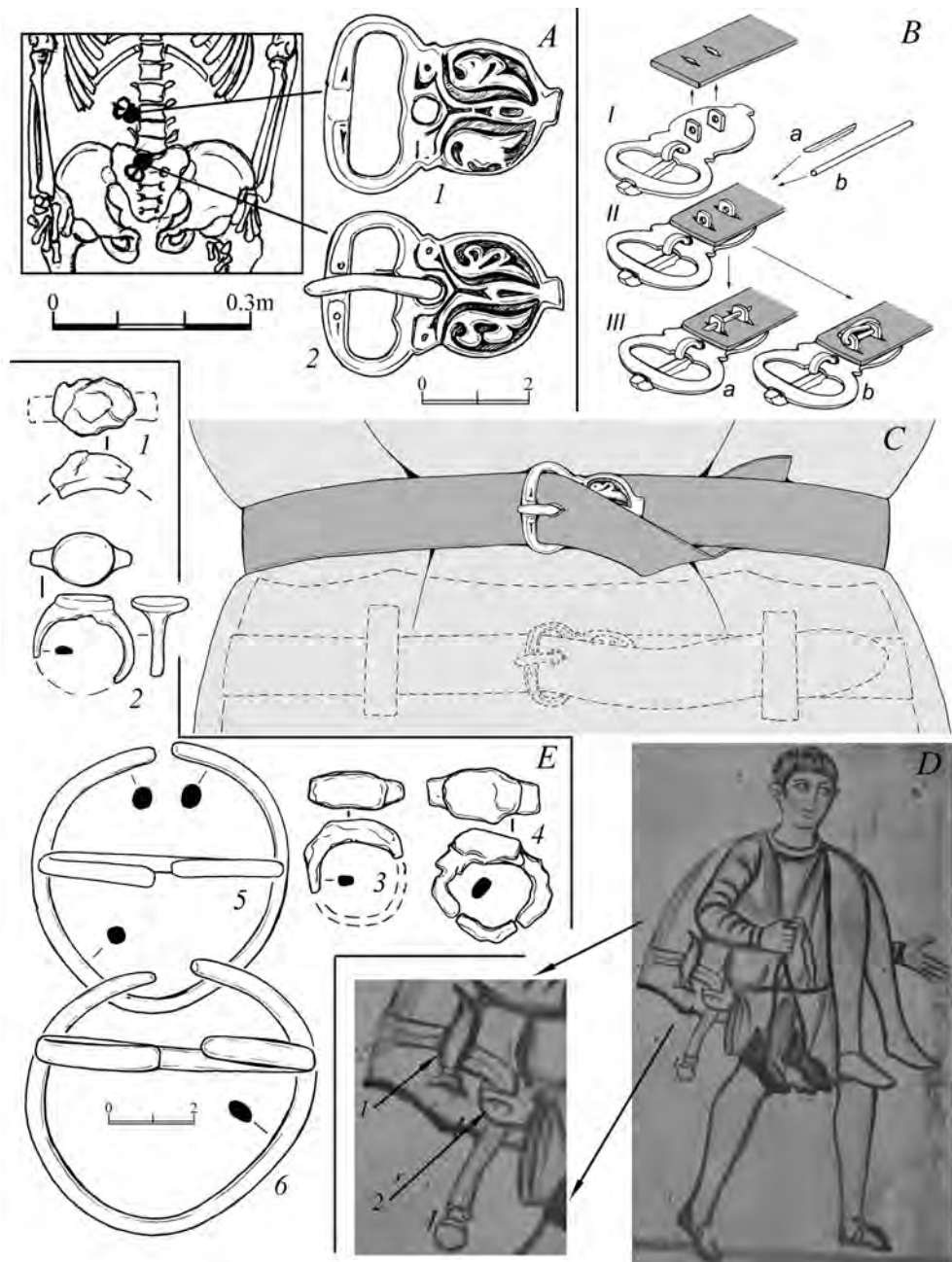

Рис. 1. Элементы мужского костюма.

А, С – некрополь в Босфорском переулке, могила 42 (А – схема расположения пряжек в могиле; С – реконструкция одежды погребенного); В – схема крепления ремня на бронзовых цельнолитых пряжках; D – фреска из гробницы IV в. из Силистры [по Frova, 1943, fig. 9]; E – украшения из мужских погребений (1 – могила 21; 2 – могила 33; 3 – могила 8а; 4 – могила 32; 5 – могила 20; 6 – могила 13).

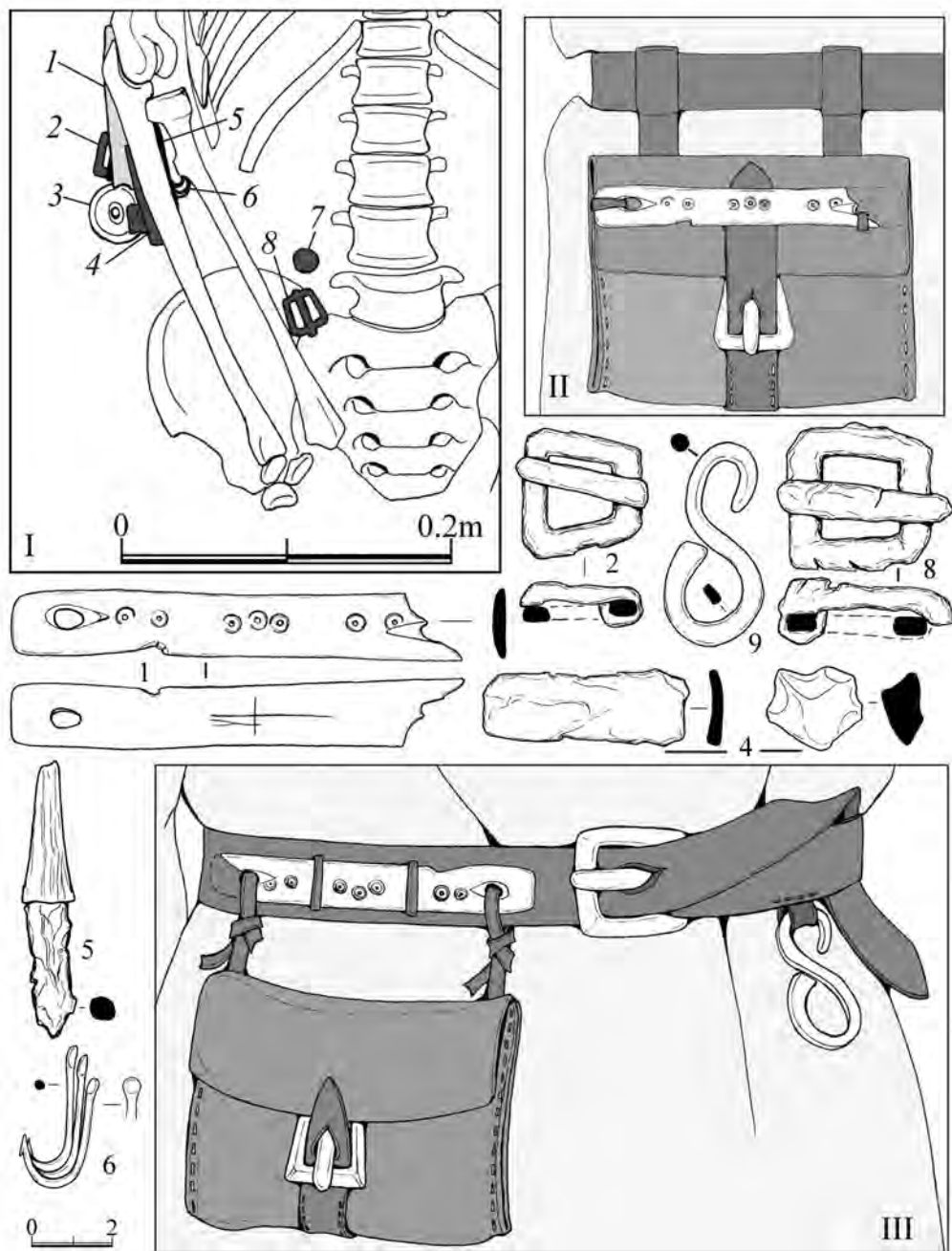

Рис. 2. Могила 63.

1-9 – находки из погребения; I – план расположения предметов в погребении; II, III – варианты реконструкции пояса с сумкой.

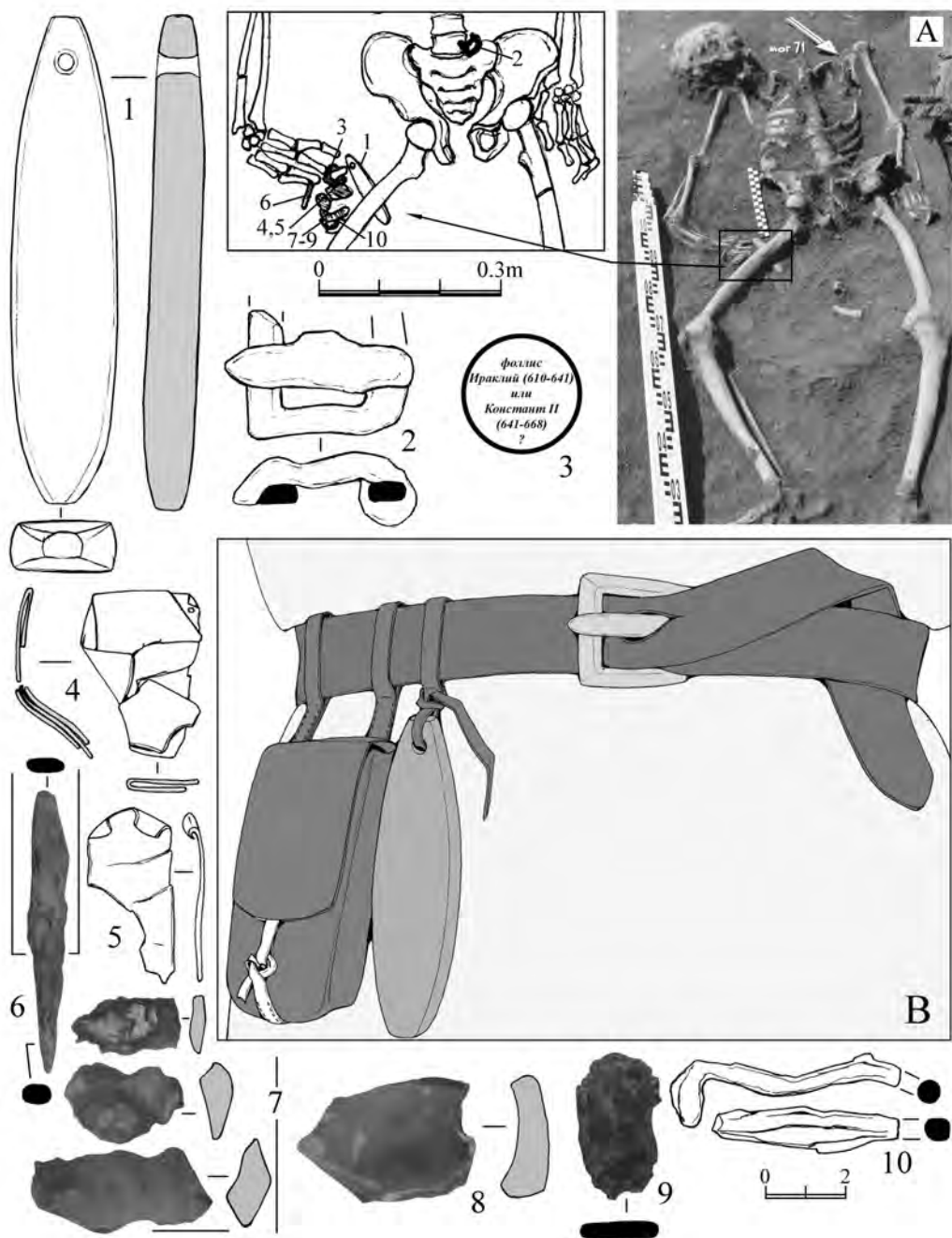

Рис. 3. Могила 71.

1-10 – находки из погребения; А – фото погребения и схема расположения в нем предметов; В – вариант реконструкции пояса с сумкой.

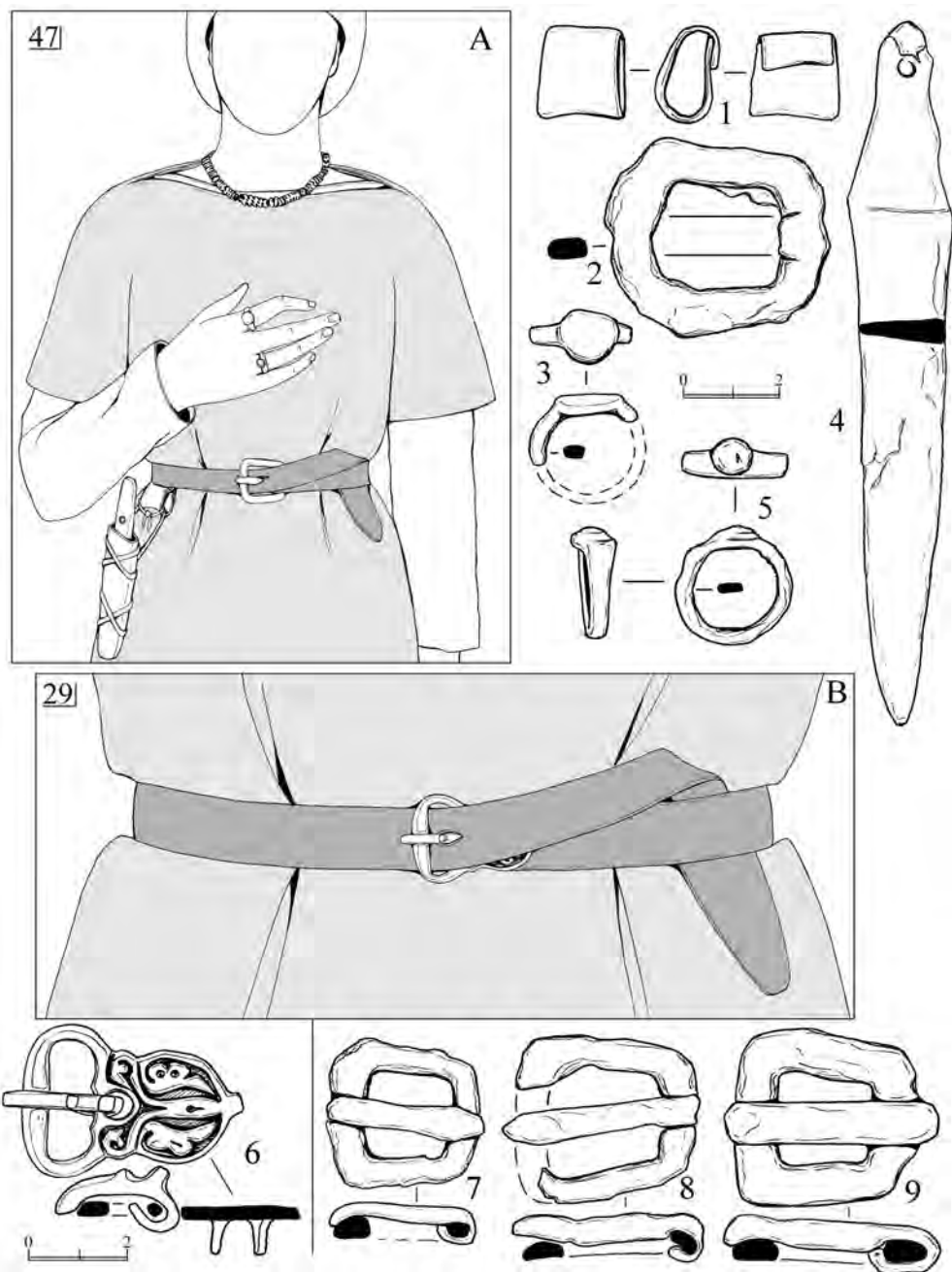

Рис. 4. Женский костюм.

А, 1-5 – могила 47 (А – реконструкция костюма; 1-5 – инвентарь из погребения); В, 6 – могила 29 (В – реконструкция пояса погребенной, 6 – пряжка из погребения); 7-9 – поясные пряжки из женских погребений (7 – могила 28; 8 – могила 46; 9 – могила 52).

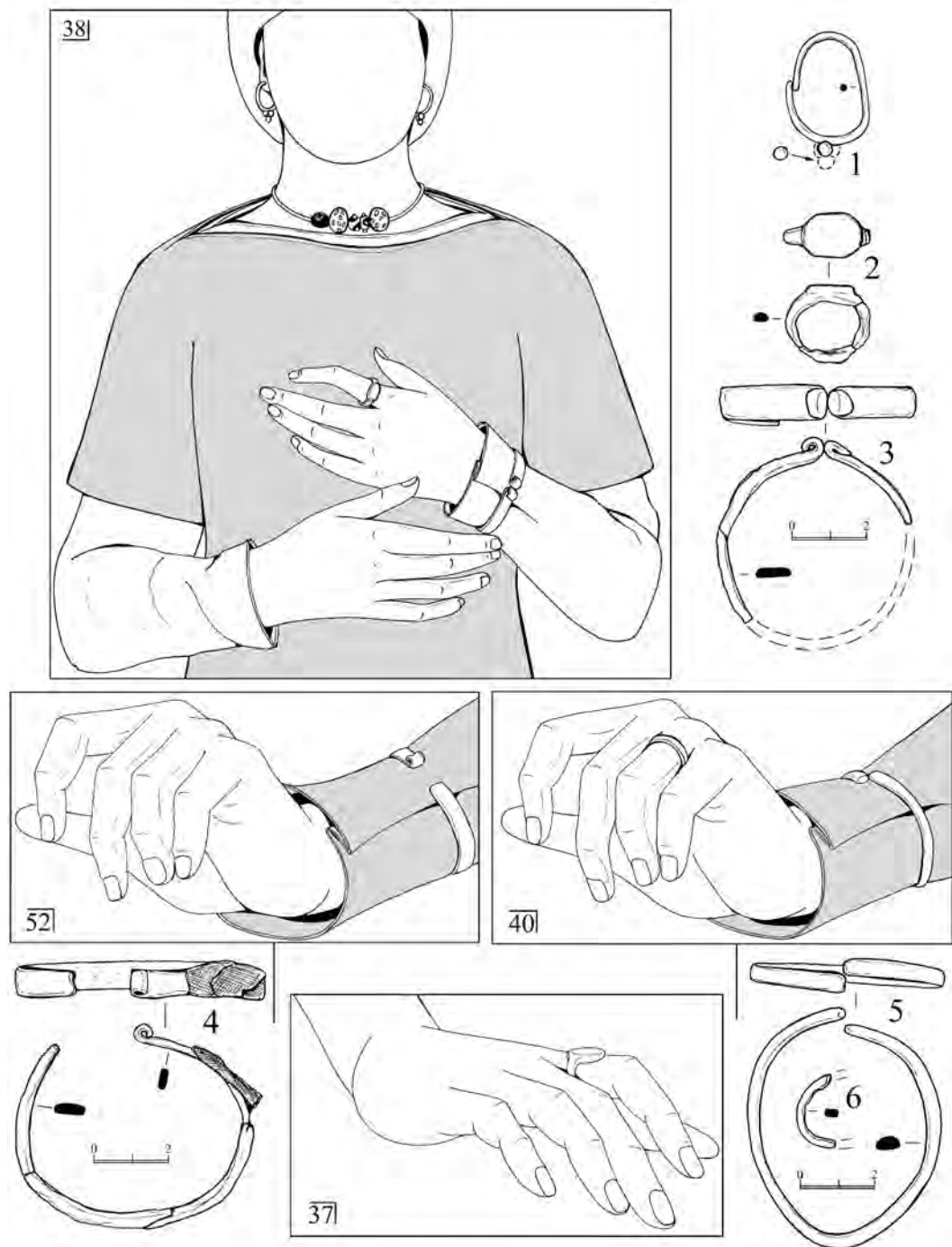

Рис. 5. Украшения из женских погребений 37, 38, 40, 52 и способы их ношения.

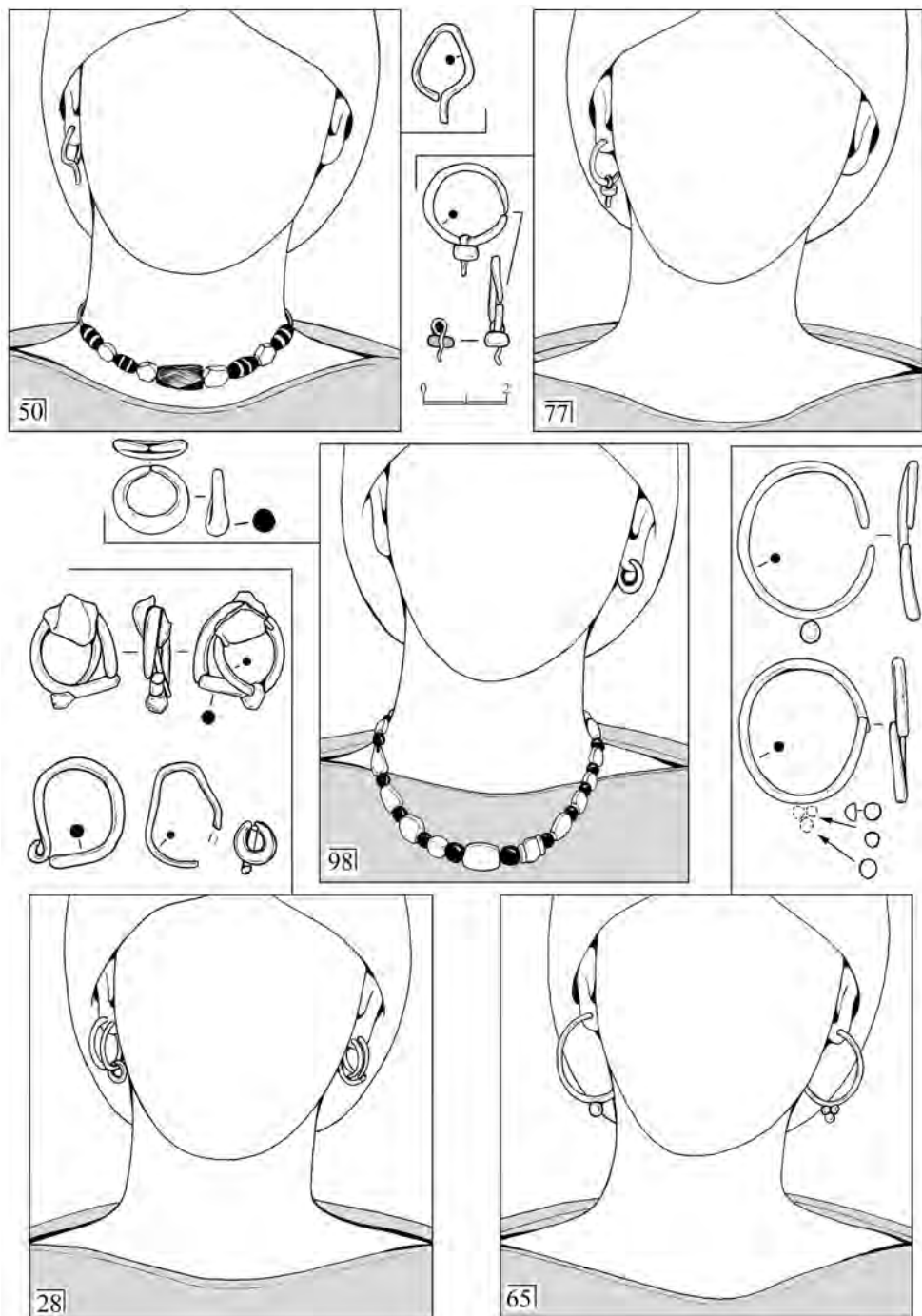

Рис. 6. Серьги из женских погребений 28, 50, 65, 77, 98 и способы их ношения.

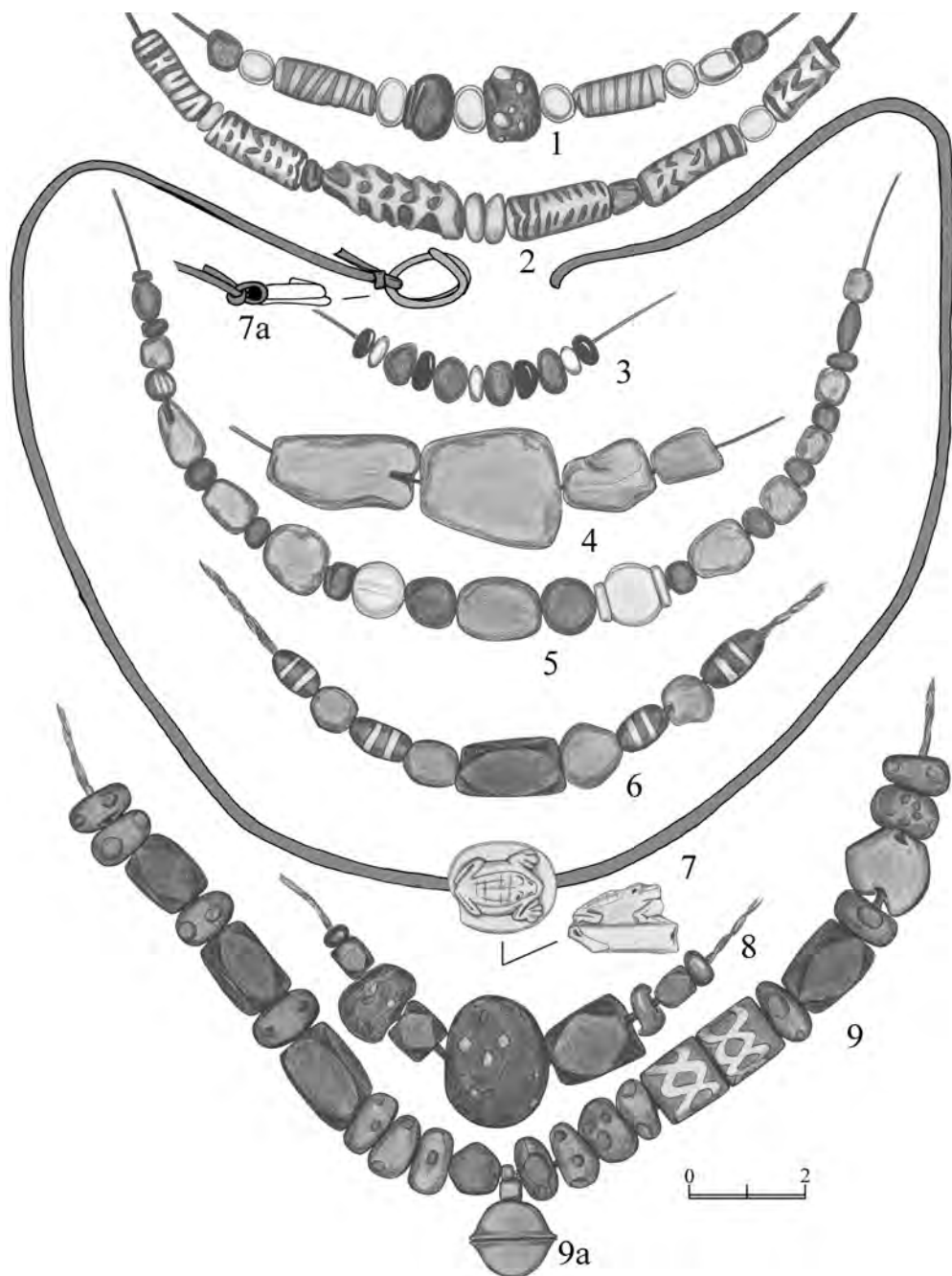

Рис. 7. Ожерелья из детского (3) и женских (1,2,4-9) погребений.

1 – могила 6; 2 – могила 47; 3 – могила 41; 4 – могила 97; 5 – могила 98; 6 – могила 50; 7 – могила 73; 8 – могила 84; 9 – могила 30.

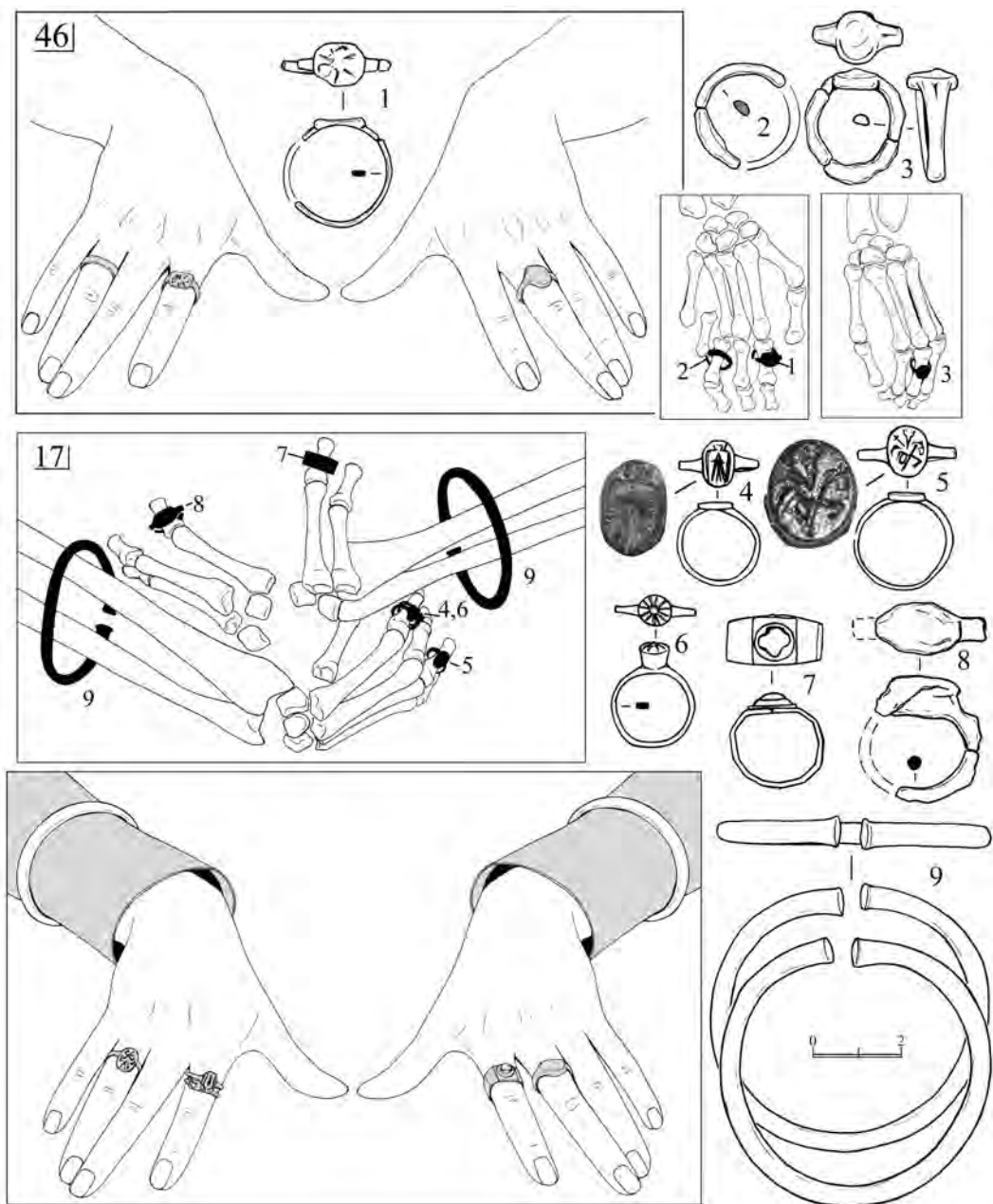

Рис. 8. Перстни и кольца из женских погребений 17 и 46 и способы их ношения.

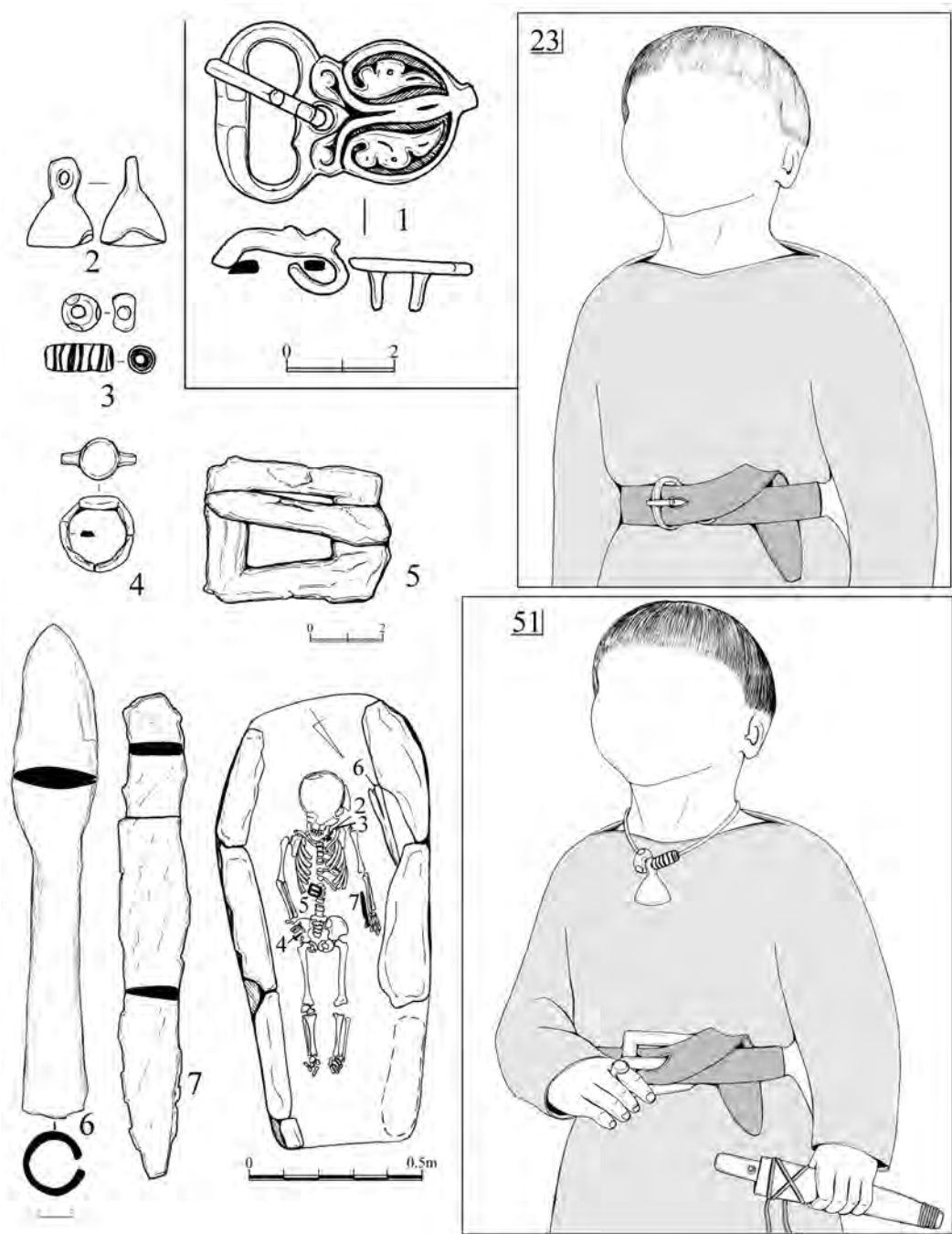

Рис. 9. Находки из могил 23 (1) и 51 (2-7) и реконструкция детского костюма.

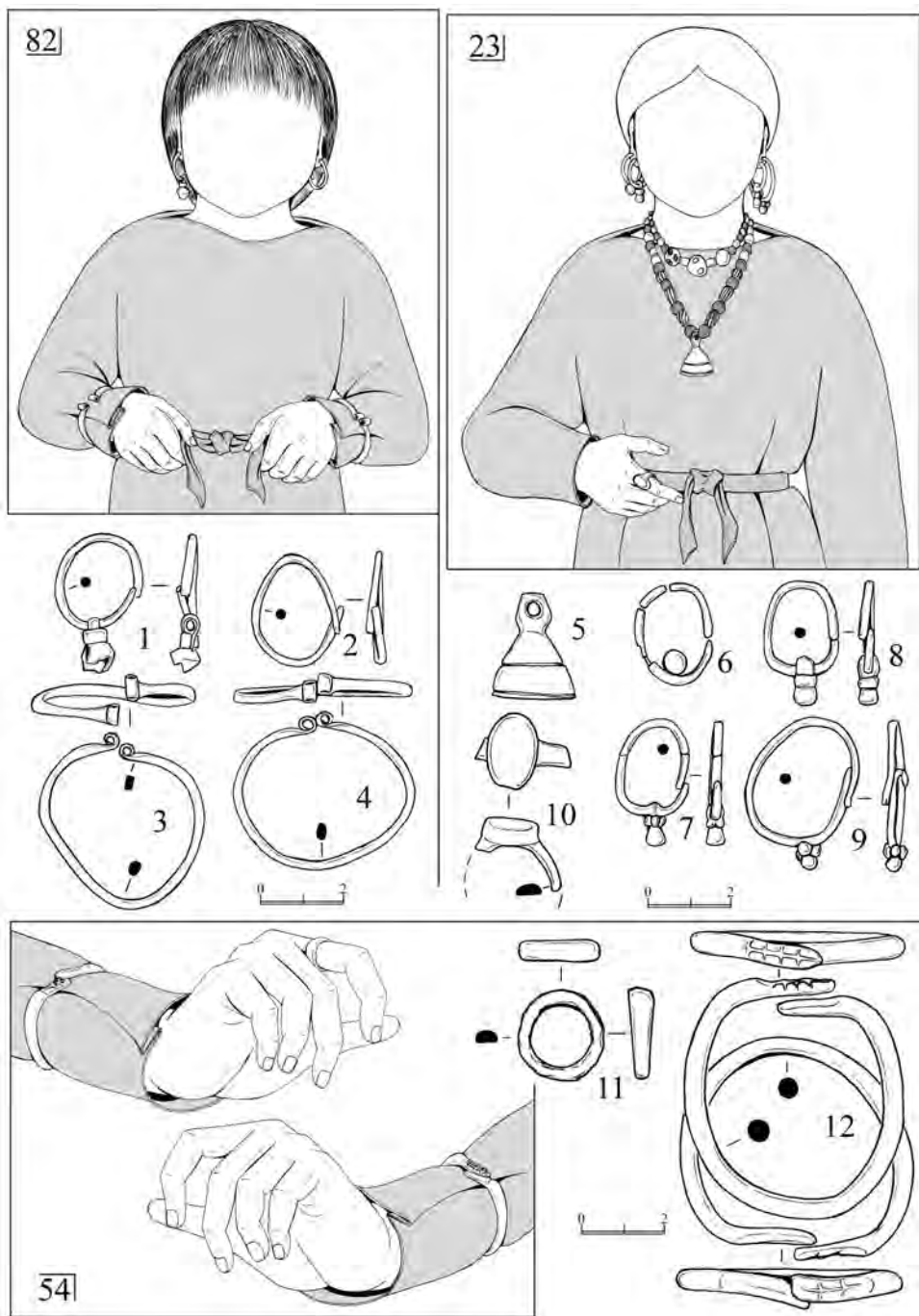

Рис. 10. Находки из могил 82 (1-4), 23 (5-10) и 54 (11,12) и реконструкция детского костюма.